ЩИТ И МЕЧ РОДИНЫ — КРАСМАШ

Несомненным флагманом машиностроения в крае, конечно, является Красноярский пятиорденоносный машиностроительный завод. По организации труда, профессионализму точных работ, новым передовым технологиям и процессам, по уровню насыщенности оборудованием, классу машиностроительных работ ему не было равных. Сибтяжмашевцы, конечно же, ревностно слушали о Красмаше и не хотели считаться с более высокой оценкой соседнего завода.

Завод пятиорденоносный, и награды ему — не дань юбилейным датам, а оценка сложного, труднейшего, многолетнего пути совершенствования советского машиностроения, космического ракетостроения. Его знали, как завод № 4, имени Ворошилова, почтовый ящик 32, наконец, Красмаш.

Машиностроительный завод, — начало строительства которому положило постановление правительства от 1932 года, — старейшее предприятие, которое стало основателем крупной индустриализации Красноярска. По сути дела, с него и начиналось строительство крупнейших заводов правобережья. Сам Красмаш расположился на пустынном правом берегу Енисея. В 1934 году завод уже выпустил первую продукцию. Появились первые десятки домов, объектов соцкультбытового назначения, больница, клуб. В конце 1935 года в городке Красмаша проживало уже свыше 11 тысяч человек. Начали строиться первые каменные дома. В середине 1936 года была запущена своя электростанция. В системах обучения, т. е. в школах мастеров, рабочей молодежи, фабрично-заводского обучения, готовились кадры для работы на заводе. В 1938 году велась широкая кампания по борьбе с неграмотностью, открывались школы для взрослых и рабочей молодежи. Я хорошо знал эти школы, потому что мама работала учителем в одной из них. Иногда она брала меня с собой на занятия, я видел, что это была действительно школа для людей разного возраста, которые всей душой стремились получить знания. На заводе в 1940 году открылось одно из первых в городе ремесленное училище. Красмаш, Бумстрой, ПВРЗ, затон — это было на слуху красноярцев. В нас, молодых людей, пацанов Красноярска, эти слова входили, как говорится, с материнским молоком. Мы росли вместе с этими предприятиями.

Как хорошо пишет Георгий Кублицкий в своей книге «Уходит река к океану», он «...излазил в начале 30-х годов все правобережье с теодолитом и нивелиром во время геодезической съемки. Несколько желтых бараков для переселенцев, построенных еще до революции, да старый поселок затона у реки, и до самых гор полынная степь с колеей железнодорожного пути и заброшенным каторжным трактом. По нему мы и тащились туда, где намечалась постройка Красмаша. Предстояла съемка заводской площадки. По нему мы везли палатки и запас хлеба. До ближайшей лавки в селе Торгашино было полдня езды, попадалась навстречу крестьянская телега, суслики перебегали дорогу. Место, отведенное будущему Красмашу, оказалось вовсе сиротским, далеко в стороне от Енисея белело двухэтажное зданьице канифольно-скипидарного завода. Работы у нас затянулись до зимы. В степи мели бураны, топографы ходили с обмороженными щеками, с пальцев слезала кожа. Хлеб выдавали по карточкам, привозили его из города, и мы долго обогревали мерзлые буханки, тяжелые, словно вылепленные из глины. Зачинали завод торжественно. Разрыли укатанную плотно гальку посередине проезжей части старой дороги, установили памятный столб: «23 июня 1933 года здесь пересечен тракт «Великий Сибирский каторжный путь».

По начальному плану завод должен был выпускать драги для золотой промышленности, освоить выпуск теплоходов и колесных пароходов, деревянных и металлических барж до 100 тонн, паровых котлов, газогенераторных двигателей, нефтеналивных барж, вагонеток и лебедок, проходческих комбайнов, шахтных копров и транспортеров для угольной промышленности.

Кроме того, заводу было дано поручение делать глубинные насосы, мостовые опоры, а для обороны страны было начато производство морских мин, авиационных бомб. Управление Главзолото, которому подчинялся первое время завод, ориентировало его на судостроение.

В середине 1935 года судостроительный цех завода выпустил два колесных парохода «Дражник» и «Золотоискатель», а в начале осени были построены катера «Комсомолец Янкин» и «Большой Красноярск», а также

баржи и др. Выпускались и газогенераторные суда — газоходы, работающие на дровяных чурочках.

В ту пору в Красноярске еще не было большой промышленности, однако необходимыми строительными материалами стройку Красмаша могли обеспечить: находили кирпич, строительный лес, стекло. Ну, а первые механические мастерские давали и минимум оборудования для механообработки. Работала на нужды Красмаша и городская электростанция, которая питала стройку.

Обеспечение электричеством, конечно, было затруднено, а чтобы выйти из трудного положения, надо было срочно перебросить воздушку через остров Посадный на Конный остров (о. Отдыха), а оттуда до нынешнего ДОЗ-2, потому что здесь начинала строиться ВЭС.

Как бы там ни было, питание от городской электростанции было очень слабым, электроэнергии не хватало не только для строительства, но и для населения.

Я вспоминаю, что в эти годы электричеством мы могли пользоваться буквально по нескольку раз в неделю, и отключение его на полдня, ночью и вечером было вполне обычным, привычным делом, поэтому в каждом доме стояла керосинка или свеча. С этими нормами, привычками мы и входили в 40-е годы.

Также хорошо помню, что домашние уроки мы делали даже не при керосиновых лампах, а при коптилках. Красмашевцы стали экстренным порядком строить свою ВЭС. Рассказывали, что когда от нее дали ток к растворомешалкам и бетономешалкам, к кранам-подъемникам — радости не было конца. По этому поводу даже состоялся митинг. Это был праздник.

И вообще на заводе царил трудовой энтузиазм, тон задавали молодежь, комсомольцы. Они оставались после работы, часто во вторую и третью смены. Задор молодежи, задор комсомольцев всколыхнул тружеников, и на стройку шло новое пополнение. В основном, это были люди из села, не знающие строительных профессий. Для них открыли школу ФЗО, и они становились профессиональными рабочими.

Незадолго перед войной завод был передан в распоряжение Наркомата вооружения, и он стал ориентироваться на производство артиллерийских пушек, зениток, авиабомб и другой военной продукции. Перед войной на заводе работало немногим более 2 тысяч человек, но, когда фашисты напали на Советский Союз, 1,5 тысячи мужчин ушло на фронт.

База заводская была небольшой — несколько цехов — чугунолитейный, док, ремонтно-механический. И вот в первые месяцы войны на этой площадке были размещены несколько заводов, эвакуированных с западных областей. Это — Коломенский машиностроительный завод, ленинградский завод «Большевик», часть сталинградского завода «Баррикады», Коломенского паровозостроительного завода и других.

Объединенному заводу было присвоено имя Ворошилова. Часть оборудования монтировалась прямо на открытых площадках, под открытым небом ставили станки, организовывались технологические линии, цепочки. Вся работа шла под девизом: в 3-дневный срок смонтировать станок, на четвертый день давать продукцию фронту. Люди совершали примеры трудового и боевого героизма, хотя с жильем было плохо.

Красноярцы радушно встречали эвакуированных рабочих, специалистов, устраивали в своих квартирах, уплотнялись. Были срочно построены землянки, засыпные бараки; только в конце первого года войны было построено бараков свыше 13 тысяч квадратных метров. В общежитиях нары ставились в три яруса. На заводе предпринимались меры к организации питания. В первый год число столовых выросло с 12 до 17, строилось жилье. В первые месяцы войны дети эвакуированных размещались на станции Клюквенная (г. Уяр) и в других пригородных местах.

А отцы и матери в это время работали на заводе. Все подчинялось одной цели: быстрее начать выпуск оружия для фронта. «Все для фронта, все для победы!» — призыв, который владел сердцами и душами всех людей. Народ принимал участие во всех кампаниях по сбору одежды для воинов, средств в фонд обороны, на строительство танковой колонны «Красноярский рабочий».

Большим вопросом была профессиональная подготовка рабочих: в одном только 1942 году на завод было принято свыше 12 тысяч человек, которых и обучали прямо здесь, у станка, на рабочих местах, многие учились в заводских ремесленных училищах.

Министром Наркомата вооружений был Дмитрий Федорович Устинов, известный нашему поколению. Он постоянно занимался, — да, наверное, на протяжении всей своей жизни, — заводом Красмаш, а в те первые годы войны он прямо ставил задачу: всемерно форсировать создание собственной металлургической и энергетической базы, строить механические цеха и жилье.

Устинов работал чуть ли не круглые сутки. Таким его знали в 60-е — 80-е годы. «ДФ», как называли любовно Дмитрия Федоровича Устинова, был непререкаемым авторитетом для нынешнего поколения специалистов, был одним из сталинских наркомов.

Если на завод звонил Дмитрий Федорович,

то знали: значит, что-то происходит важное или ставятся важнейшие задачи. Но он часто звонил и по текущим делам, постоянно контролировал работу завода и, несомненно, в первую очередь помогал.

Особо остро ставилась задача обеспечить полное выполнение заданий Госкомитета по обороне, по выпуску 120 мм минометов, 37 мм зенитных автоматических пушек, глубинных морских мин и авиационных бомб. Автоматические зенитные пушки начинали делать еще накануне войны. Костяком руководства на заводе имени Ворошилова, который потом и стал, по существу, сердцевиной объединенного завода, и технических служб явились руководители, специалисты, эвакуированные совместно со своими заводами.

Сюда прибыли опытные специалисты, инициативные организаторы, энергичные, способные принимать смелые решения люди. И вот благодаря их стремлению, их усилиям на заводе было образовано несколько отдельных производств по выпуску зениток для сухопутных войск и военно-морского флота, полковых 120 мм минометов, глубинных бомб. Кроме этого имелись еще самостоятельные металлургические, инструментальные производства.

Не успели целиком развернуть силы на заводе, как фронт начал получать продукцию. В 1-м квартале 1942 года было изготовлено почти 550 зенитных пушек, 300 минометов. Однако задание завод пока еще не выполнял. Как писал в своих воспоминаниях бывший директор завода Борис Хазанов, «из головы не выходили слова наркома: «Готовьтесь к серьезной работе, понимаю, что производственное задание крайне напряженное, но любые рассуждения об уменьшении плана просто непозволительны. Особенно нужны зенитные пушки, фашисты бомбят наши города, у нас еще мало истребительной авиации».

Производства, отделы, цеха возглавляли опытные организаторы-специалисты, а квалифицированных рабочих не хватало. Важнейшим вопросом было комплектование кадрами. И в первые же дни краевой и городской комитеты партии, местные, партийные, советские органы, комсомол, оказывали большую помощь заводу.

Бюро горкома комсомола в январе 1942 года приняло постановление о мобилизации комсомольцев и молодежи на завод имени Ворошилова. Согласно этому постановлению комсомольские организации должны были направить на предприятие тысячу комсомольцев и тысячу триста человек из несоюзной молодежи.

Каждый день и каждый час той поры Красмаша вписан в историю края, в историю страны. Выпускалась новая продукция, необходимая для фронта, совершенствовалась та, которая уже выпускалась. В частности, так было со 120 мм полковым минометом. Была поставлена задача увеличить выпуск минометов, усовершенствовать и упростить их конструкцию. Такое упрощение конструкции позволяло на этих же площадях почти в 2 раза увеличить производство минометов.

В ту пору в Красноярске стояли большие морозы. В цехах был неимоверный холод, люди недоедали, условия быта были такими же, но все эти проблемы пытались решать. Что-то решалось, что-то нет. Люди бились для того, чтобы выжить, для того, чтобы выстоять, для того, чтобы выпускать продукцию. Руководство завода принимало меры и к строительству столовых, к обеспечению продуктами, решило вопрос о создании подсобного хозяйства — краевые партийные органы передали заводу пригородный совхоз.

Между 1944—1945 годами произошла и переориентировка завода на выпуск новой продукции для фронта. Хотя и сокращался выпуск пушек старых систем, зато значительно увеличивался план по выпуску новых образцов спаренных зенитных автоматических систем. Завод был ориентирован также на изготовление сложных морских 100 мм установок и другой военной техники, которая ранее не выпускалась. И сегодня слышу, как в военные годы и несколько лет спустя, в ночном воздухе города раздавались очереди из спаренных зениток, а иногда, глядя в ночное небо, видны были четкие пунктиры испытательных стрельб с трассирующими снарядами. Нам хорошо это было видно, так как дом стоял на берегу Енисея, и мы видели Красмаш и район полигона, шли испытания техники.

Перепрофилирование завода вызывало колоссальную перестройку на заводе. Даже спустя многие годы трудно представить, какая большая трудоемкая работа была проведена в сжатые сроки. И хотя Красмаш привык к этому за годы войны, эта перестройка и сегодня кажется просто невероятной. Зимой и весной 1945 года был разработан технологический процесс более чем на три тысячи деталей, спроектированы и изготовлены тысячи единиц мерительного и режущего инструмента, около 600 приспособлений, 200 штампов, тысячи единиц литейной оснастки. В этот период удалось изготовить оснастки в 2,5 раза больше, чем за предыдущие 3,5 года. А всего за годы войны Красмаш произвел свыше 26 тысяч пушек разных систем, больше 5 тысяч минометов, свыше 200 тысяч крупных авиабомб, 3,5 тысячи морских мин и много, много другой военной продукции.

С осени 1944 года заводу уже стали поступать задания на переход к мирной продукции. Речь шла о подготовке к производству самоходной тяжелой универсальной врубовой ма-

шины для угольщиков и проходческого комбайна, а также всевозможных насосов для угольной и нефтяной промышленности.

В середине сентября 1945 года на завод пришло сообщение, что за успешное выполнение заданий Государственного комитета обороны по бесперебойному обеспечению фронта автоматической зенитной артиллерией и создание новых образцов вооружения для военно-морского флота Красмаш награждался орденом Ленина.

Страна переходила на мирные рельсы. В своих воспоминаниях Хазанов рассказывает, что в середине марта 1945 года поступило задание ГКО наладить производство корпусов для водяного насоса, и буквально на 15-й день после поступления заказа цех выдал уже 100 корпусов водяного насоса — столько, сколько требовалось по плану. Это говорило о том, что технология, мастерство, полученные на изготовлении военной продукции, успешно и почти мгновенно стали использоваться и на производстве продукции для народного хозяйства.

За годы войны Красмаш стал действительно мощнейшим оборонным предприятием в стране. Выпуск вооружений и боеприпасов увеличился в три раза, производительность труда поднялась на 180 процентов, значительно снизилась себестоимость оборонной продукции и много другого. Вырос коллектив, выросли специалисты, выросли и кадры. Завод стал флагманом машиностроения в стране и, естественно, в крае.

Война закончилась. Но это не давало возможности расслабиться: восстановление разрушенного народного хозяйства требовало умножения наших усилий, да военная техника была необходима для того, чтобы крепить оборону.

С первых дней мирной жизни возникли и неожиданные проблемы. Стало первостепенной задачей повышение квалификации рабочих. Дело в том, что значительная часть рабочих была переведена на другие предприятия, в основном в те места, откуда они были эвакуированы.

Возникали новые задачи, требования к заводу продолжали расти. Не хватало специалистов и высококвалифицированных рабочих, в значительной мере важную роль играл и механический техникум, который я тоже вспоминаю самым добрым словом. Он открылся в 1944 году. Это был один из наших опорных техникумов в Красноярске, под стать даже нашим институтам. Я вспоминаю директора техникума Хохлачева, выпускников, которые стали потом крупными специалистами, комсорга техникума Лященко, который впоследствии работал начальником производства, да и многих, многих других. Этот техникум был ведущим на правобережье и одним из ведущих в городе.

Как пишут наши журналисты в книге воспоминаний «Годы свершений и надежд», посвященной 55-летию Ленинского района, многие зенитки имели на своих стволах от 3 до 15 звезд по числу сбитых ими самолетов. В послевоенные годы завод освоил производство новых сложных артиллерийских систем и глубоководных мин. Изготавливались 100 мм палубные артиллерийские установки для подводных лодок и кораблей малого водоизмещения, 100 мм универсальные палубные полуавтоматические зенитные установки для крейсера типа «Киров». Много сил было вложено в конструирование, технологическую подготовку производства и освоению спаренной 37 мм автоматической пушки и ее морского варианта.

В начале 50-х годов, когда я занимался уже комсомольской работой, был комсоргом института, а затем работал в горкоме комсомола, мне запомнился особый почерк, особая боевитость, мобильность, взаимоподдержка комсомольской организации Красмаша, или, как мы говорили, почтового-32.

Мне хочется поименно назвать секретарей комитетов комсомола Володю Терешкина, Володю Жилина, Аркашу Поддубного, Бориса Михайлова, Лиду Жильцову, Степана Поротова, Юру Балашова, Володю Большакова, Валерия Новикова, Сергея Малышева. Каждый из них был со своим характером, со своей манерой общения с молодежью, индивидуальным почерком, интересен, как личность. Это были, как правило, крупные организаторы, инженеры, которые прошли уже и практику и которых ценили как хороших специалистов в цехах. К ним с большим уважением относились и начальники цехов, отделов, руководство завода.

Кстати, и собрания на Красмаше всегда были боевыми, критика здесь была, как мы в ту пору говорили, на высоком уровне. Доставалось всем — где-где, а уж на Красмаше поддавали не только секретарю комитета комсомола, но и секретарю крайкома и горкома комсомола, которые всегда бывали на собраниях и заводских активах. Здесь за словом в карман не лезли!

Помню, был такой комичный случай. Однажды на комсомольском отчетно- выборном собрании комсомольцы обсуждали отчет комитета комсомола, потом подошли к выбору комсорга и, взглянув на секретаря крайкома комсомола Полину Макееву, сказали: «А вот мы ее и изберем секретарем комитета комсомола». На это руководители ответили, мол, спасибо, но вы нас не можете избрать, потому что мы из вышестоящего комсомольского органа. А комсомольцы стояли на своем: «Ни-

чего, как мы хотим, так и сделаем, пойдем в крайком, он нас поддержит, так что мы вас избираем». Потом все-таки решили избрать своего. Но этот случай вот уже, наверное, четыре с лишним десятка лет вспоминаем с улыбкой. Молодые осознавали свою силу, тогда многое им было по плечу.

Как правило, и отчетно-выборные собрания проходили бурно, допоздна, и нередко часа в 2—3 ночи, а бывало и позже, заканчивалось собрание. Положим, страсти — дело объяснимое, но после такого собрания приходилось еще возвращаться в город пешком, моста не было, я помню, несколько раз возвращались в третьем, в четвертом часу через Енисей наискосок от района Красмаша до Старого базара по замерзшему льду, потому что в ту пору «матаня» уже не работала, а пригородные поезда начинали ходить в шестом, седьмом часу утра. Тут хватало времени на свежем воздухе пройтись, да и обдумать все, что звучало на собрании. Но это уже в порядке шутки.

В комсомольской организации из года в год, из десятилетия в десятилетие берегли славные традиции, которые шли с довоенных, но более — военных лет, когда действительно понимали, как нужна продукция фронту. Легковесным обещаниям не было места. Эти традиции уважали, и они множились дальше.

Работа с молодежью поддерживалась директором предприятия: он задавал тон начальникам цехов в поддержке шагов комитета комсомола, цеховых бюро по вопросам, которые выдвигали. Шло это, конечно, и от партийного комитета: как правило, одним из руководителей завода был парторг ЦК партии. Такой институт был в годы войны и несколько лет позже. На заводских собраниях, планерках с начальниками цехов, где собиралась сотня специалистов, всегда звучал и голос комитета комсомола, и руководства, которое твердо подчеркивало уважительнейшее отношение к комсомолу.

Имел свой самостоятельный голос завком профсоюза. В главном поддерживали дирекцию: в выполнении государственного плана, в мобилизации коллектива. Решали и поддерживали нужды трудящихся, интересы рабочего класса и в плане жилищно-бытовых условий. Особое внимание завком проявлял к организации работы столовых, общепита, к созданию бытовых условий. Здесь завком нередко проявлял свою власть. Вспоминаю, председателем завкома долгие годы был Михаил Геранимович Вейнгольд — прекрасный специалист, не шумливый, вдумчивый, с некоторой хитринкой, но в то же время он знал и чувствовал ту грань, где надо было и поддержать рабочих, и соблюсти интересы дирекции завода, но предпочтение отдавалось четкой постановке вопросов в интересах трудящихся. Завком проводил колоссальную работу по организации оздоровительных учреждений, детских садов, профилакториев, санаториев, зон отдыха и так далее, так далее. Завком имел традиции еще с военных лет, когда и за граммы хлеба, и за граммы масла и молока бились и придавали им колоссальное значение, а также и в организации коллективных огородов, где сажали картошку, а затем и садов. Одним словом, завком старался учитывать всесторонние интересы рабочего коллектива.

Дирекция и партком выступали, как правило, единым согласованным звеном на заводе. Помню секретарей партийного комитета Александра Васильевича Кутвицкого, Михаила Сергеевича Крылова, Всеволода Васильевича Чеботаревича, Владимира Степановича Шмарева (он с этой работы ушел начальником планового управления Совета народного хозяйства), Александра Васильевича Ганьшина, Германа Степановича Цуцкарева, многие годы работали Петр Иванович Тихонович, Владимир Трофимович Темеров и другие прекрасные организаторы, о которых я могу сказать только добрые слова. Секретарь парткома был номенклатурой Центрального Комитета партии, он утверждался в ЦК по рекомендации краевого и городского комитета партии.

Да и сам-то рабочий и инженерный люд завода, коммунисты, имея традиции такого беспристрастного, объективного подхода к своему партийному секретарю, как правило, избирали того, кто удовлетворял, так сказать, их видение, их требование. И не дай бог, если появлялись какие-то компрометирующие сигналы: их, как правило, быстро выясняли, высказывали в глаза.

Секретари партийных комитетов Красмаша были вполне достойные руководители, а многие из них впоследствии стали руководителями районных, городских и краевых органов, партийных комитетов, не уронили свою честь и на дальнейшей работе.

Из комсомольских секретарей, насколько я знал, многие ребята были выпускниками Ленинградского военно-механического института, солидного вуза, который готовил кадры для военных машиностроителей, многие из них потом пошли и стали ракетчиками-машиностроителями и занимались космическим машиностроением. Работая потом, уже в городском комитете партии, заведующим промышленно-транспортным отделом, вторым секретарем крайкома, да и горкома, сталкиваясь больше с чисто производственными делами завода, с выполнением государственного плана, заданий, с освоением новой техники, я могу сказать, что завод всегда был примером и имел свой характерный красмашевский почерк. Они никогда не кичились, они не шуме-

Секретарь ЦК КПСС Ф. Р. Козлов на заводе Красмаш в 1962 году. Слева направо: В. Булан, А. Кокарев, П. Сысоев, Ф. Козлов, А. Ганьшин, А. Исаев, А. Крылов

ли, но они твердо, стабильно, по-солидному вели дело, берегли традиции.

Я бы сказал, что сама серьезность и весомость заказов, над которыми многие десятилетия работал Красмаш, обязывали руководителей к такому серьезному, солидному, вдумчивому поведению. Как правило, решения, которые принимались, выполнялись. Легко не давали слов, но, пообещав, по-серьезному относились к делу. Часто обращался к руководителям технических служб завода, к главным инженерам, к директорам завода по не являющимся секретными новым технологическим процессам и которыми, естественно, они могли делиться с другими предприятиями по новым приемам, методам работы, передовому опыту резания металлов, покраске изделий, внедрению установок-автоматов, по всевозможным защитным покрытиям, гальванике, по организации социалистического соревнования, внедрению систем контроля за качеством, по системе бездефектной сдачи продукции с первого предъявления, ведению дневников учета рабочего времени. На Красмаше ранее других была работа с личными клеймами рабочих, была отлажена организация профессиональной учебы, распространение передового опыта среди рабочих завода, новым методам сварки и другим научным достижениям.

Я вспоминаю эти деловые контакты с красмашевским руководством. Кстати, такому тесному обобщению опыта и вопросам обмена с другими предприятиями способствовало и то, что в середине 50-х годов, уже во времена Советов народного хозяйства, начальником Красноярского центра бюро технической информации СНХ работала Антонина Ивановна Трофимова, супруга директора Красмаша Петра Александровича Сысоева, которая прошла большую практику на заводе, работала руководителем центра технической информации. Красмаш владел солидным опытом в этой работе.

Словом, это был завод со своими традициями, один из крупнейших заводов страны, который был примером не только для красноярских предприятий, но и для организаций в своей отрасли, о чем я скажу немного позже. Люди здесь были не болтливые, знали режимность своего предприятия, секретность, да и, кстати говоря, показывали в этом отношении тоже пример для всей закрытой индустрии края.

Еще страницы истории... В первой половине 50-х годов производство военной продукции несколько сократилось. Начали осваивать новую пушку С-68, проводилась модернизация оборудования, заменялось устаревшее, изношенное, принимались меры к улучшению организации труда, повышению трудовой дисциплины.

В феврале 1958 года правительство и Центральный Комитет партии приняли постановление о серьезной реконструкции завода: создавался новый крупнейший комплекс произ-

Посещение завода «Красмаш» С. П. Королевым. На катере, в редкую минуту отдыха С. П. Королев, Куприянов, П. А. Сысоев, М. Ф. Решетнев

водства по изготовлению баллистического ракетного оружия. Это в значительной мере и стало профилирующим в работе Красмаша на многие годы дальше. Началась серьезная подготовка производства, включены в работу инструментальные производства, изготавливалась оснастка для новых изделий иного плана.

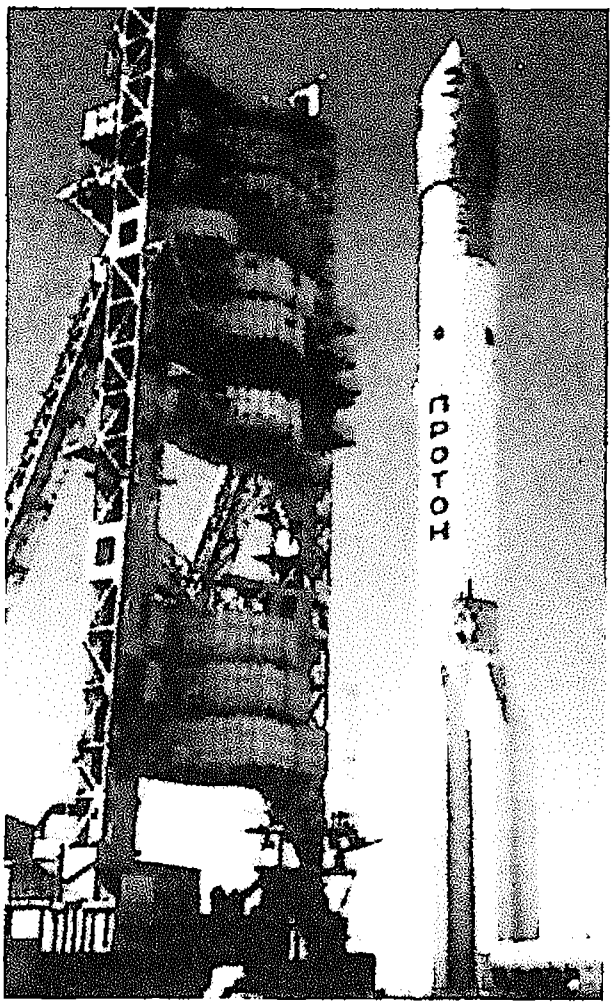
С 1959 по 1965 год была проделана громаднейшая работа по реконструкции производства. Площади производства и численность коллектива увеличились втрое, почти в 3,5 раза увеличился объем валовой продукции, на 37 процентов увеличилась производительность труда, почти в 1,5 раза возросла и средняя заработная плата. Создание производства ракетной техники в Сибири шло в тесном сотрудничестве с филиалом ОКБ С. П. Королева, а филиал возглавлял М. Ф. Решетнев, в будущем руководитель НПО прикладной механики. В середине 60-х годов было создано мощное классное предприятие по производству ракетной техники, проведена большая работа и по укреплению кадров, переподготовки, а во многих случаях пришлось заново обучать рабочих и инженерно-технических работников.

Освоение и производство Красмашем новой продукции внесло серьезный, заметный вклад в создание эффективного противовеса американскому стратегическому оружию. За создание и производство новой техники, за большие заслуги в июле 1966 года завод был награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени. Зная на протяжении многих лет, могу сказать, что каждый год, каждая пятилетка, каждое десятилетие отмечались большими серьезными сдвигами и вкладами в улучшение социальной жизни завода.

Только с 1960 по 1965 год было введено в эксплуатацию 180 тысяч квадратных метров жилья, реконструирован Дом культуры, заново отстроен стадион «Енисей», разбит парк, построен новый пионерский лагерь, благоустраивались жилые микрорайоны и, самое главное, уже были снесены десятки отслуживших бараков. Это было, конечно, начало, бараков еще было очень много, но дело в том, что мы находили возможность уже решительно начинать сносить бараки. Создавалась, укреплялась и увеличивалась медицинская база, строилась новая заводская поликлиника, принималось много других мер. Под стать крупным делам военного назначения, на заводе также серьезно отнеслись к выбору производства товаров народного потребления. Ширпотреб и раньше производился: мясорубки, утюги и много другой необходимой для быта продукции. Но серьезным шагом было начало на Красмаше в 1963 году создания базы для производства холодильника «Бирюса». В 1965 году было уже выпущено более 100 тысяч холодильников.

Заводу предстоял еще более серьезный экзамен по освоению нового производства. С 1966 года наряду с серийным выпуском прежних видов продукции начали осваиваться новые изделия, и в этот период завод серьезно работает вместе с конструкторским бюро Виктора Петровича Макеева, одного из учеников С. П. Королева, с Челябинским конструкторским бюро. Деятельность этого выдающегося ученого-инженера, дважды Героя Социалистического Труда, вписана в историю создания отечественного ракетного подводного оружия, которое заняло одно из важнейших мест в системе стратегических сил страны.

Красмаш приступал к производству запуска подводного плавания ракетного оружия. Освоение производства потребовало очередной серьезной модернизации завода, внедрения и разработки новых современных технологий, нового серьезного переобучения рабо-



Ракета-носитель «Протон»

чих и инженерно-технических работников. Естественно, графики производства были очень сжатыми, жесткими, и завод в большом напряжении бился за освоение нового изделия, за наращивание объемов серийного производства. Наряду с наращиванием производства серийного заказа приходилось участвовать и в опытном производстве, отработке, испытании еще двух-трех новых изделий.

Теперь уже можно открыто и с гордостью говорить, что с 1966 по 1988 год Красмаш освоил и поставил на серийное производство почти все типы баллистических ракет для подводных лодок, которые находятся на вооружении военно-морского флота страны. Несомненно, это был подвиг завода и подвиг ученых, и такая работа была возможна только при теснейшем сотрудничестве и взаимодействии между заводом, предприятиями— разработчиками, благодаря доброй хорошей атмосфере сотрудничества, продуманной стратегии заводских инженерных служб. Объем промышленной продукции завода с 1966 по 1970 год возрос в 2,8 раза, производительность труда возросла в 2,4 раза, было обеспечено опережение роста производительности труда относительно роста заработной платы. В 1971 году за трудовые успехи Красмаш был награжден орденом Октябрьской Революции.

С освоением этих изделий завод продолжает, да, собственно говоря, этот процесс никогда и не прерывался, дальнейшую реконструкцию предприятия.

Максимальное внимание уделялось в первой половине 70-х годов научно-технической реорганизации предприятия, борьбе за экономическую эффективность, снижение трудоемкости. Наступало время жестких качественных требований, требований экономики, и это мимо завода не прошло. Как бы там ни было, но и военная продукция должна была производиться рачительно, по-хозяйски, с возможно меньшими затратами.

Была внедрена комплексная система обеспечения качества выпускаемой продукции. С 1978 года завод почти 95% продукции сдавал с первого предъявления. Такое системное рассмотрение вопросов эффективного производства, внедрение новой техники и технологии и другие меры были высоко оценены руководством страны: в 1975 году завод был награжден орденом Ленина.

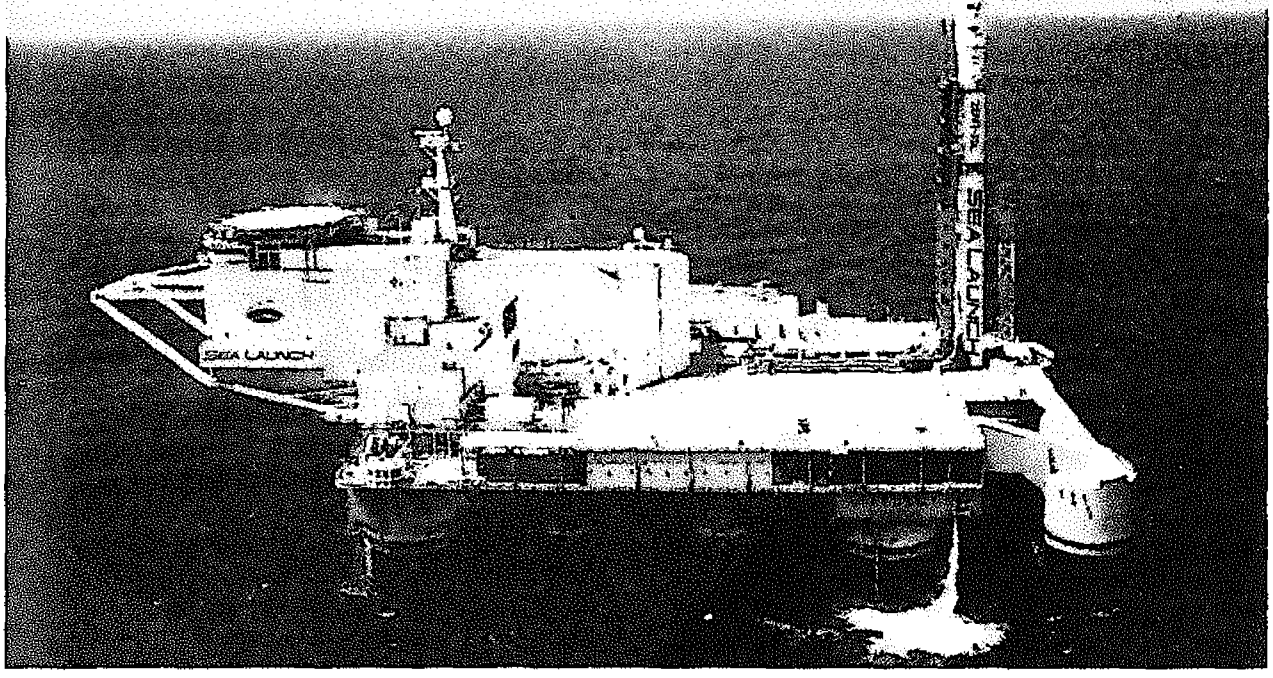
И во второй половине 70-х годов завод развивался не менее успешно. Успехи, которые были достигнуты заводом за эти годы, были достигнуты благодаря решению большого комплекса производственных, научно-технических и социальных задач, реализации продуманных планов технического перевооружения, внедрении вычислительной техники и значительной переподготовки кадров.

Завод становился в стране одним из крупнейших производителей ракетной техники.

Сухие строки таят в себе титаническую работу людей, творцов этого оружия. Неустанное решение технологических процессов, строительство новых цехов, создание необходимых станков и аппаратов требовало напряженных и бессонных ночей инженеров и техников завода, работающих над самым новым технологическим процессом, создавая их нередко впервые в стране, круглосуточной работы, рабочих, специалистов по выполнению сверхсрочных работ.

Я хорошо знал работу предприятий города и края, чувствовал остроту и сложности того или иного периода, когда усложнялись задачи, обострялись требования. Здесь же, кажется, не было перерыва. Красмаш трудился в будни и праздники, выполняя особо важные для обороны страны задачи.

В начале 1982 года завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это был уже пятый орден на знамени завода. Были награждены орденами и медалями рабочие, служащие предприятия, а Виктору Кирилло-



Морской старт

вичу Гупалову, генеральному директору, было *присвоено звание Героя* Социалистического Труда. Краевой, городской и районный комитеты партии всегда пристально следили за заводом Красмаш, доверяли в работе коллективу завода и партийной организации.

Я вспоминаю, как во время работы в крайкоме мне было поручено сопровождать руководителя ВПК, заместителя председателя Совета министров СССР Леонида Васильевича Смирнова. Он занимался военными вопросами. Побывав на Красмаше, — он знал этот завод, но был здесь первый раз, — с большим интересом знакомился, вникал в проблемы, которые стояли перед предприятием, и я видел, как с каждой минутой, с каждым часом у него проявлялся все больший и больший интерес к нему. В свое время Леонид Васильевич был директором Южмаша, известного Днепропетровского ракетного завода, который был одним из первых заводов, освоивших эту технику, да и академик Янгель, его бюро как раз работали на Южмаше. И вот этот маститый руководитель, не выдержав, с доброй завидкой сказал: «Это старший брат Днепра, а мы всегда на Украине считали, что это младший брат!»

Он был приятно поражен такой организацией труда, таким развитием мощностей нашего Красмаша и настолько увлекся заводом, настолько для него все было интересно, что, когда я предложил пообедать, он решительно замахал руками: «Нет, нет, слушай, я не могу терять время на обед — в машине перекусим бутербродами».

Красмаш становился предприятием высокоточной спецтехники, с глубокими традициями коллектива, с династиями: сыновья сменяли своих отцов, а внуки становились рядом со своими отцами и продолжали начатое дело своих дедов. Этих династий на заводе много, и они являлись авторитетом, хорошим примером для молодых рабочих.

Завод — детище первых пятилеток, — с состоявшимися традициями коллектива, которому любое задание было по плечу. Многие специалисты завода шли со временем на укрепление других предприятий края и целых отраслей краевой экономики и, как правило, не срамили марку Красмаша.

С Красмаша пришел Иван Тихонович Крылов директором завода телевизоров. Немного позже заместитель директора завода Саблин стал руководить судостроительным заводом и руководил солидно, мне нравилось контактировать с ним: это был разумный руководитель. И таких примеров много. Завод всегда щедро делился своим техническим опытом с другими предприятиями города (там, где это позволял режим).

В послевоенные годы, особенно в 50-е, обучалось на заводе много китайских специалистов, и когда в 1958 году был в городе Флоэрди, в Хэйлунцзянской провинции, где я

возглавлял делегацию советской молодежи, неожиданно встретился в гостинице с советским специалистом, который по-братски делился с местными специалистами опытом по освоению теперь уже в Китайской Народной Республике производства красмашевских пушек. Он, узнав, что мы красноярцы, представился: «Я как раз с завода, где директором товарищ Сысоев». Ну, больше мы ни о чем не говорили, я понял, что это наш красмашевский представитель, что речь идет о наших красмашевских изделиях.

Китайские специалисты, руководители цехов, служб проходили солидную школу управления, не только овладевали опытом, но и сами становились крупными специалистами своего дела, кажется, любой из них мог смело встать на больший участок и уверенно вести дело.

В начале 60-х годов приходилось много заниматься в первую очередь стройками. В 1963 году был избран вторым секретарем городского комитета партии, и, конечно, главной заботой была промышленность, строительство, транспорт, городское хозяйство и другие вопросы в жизни города. Работа проходила на заводах и стройках, в ту пору значительно велись работы на правобережье. И до этого времени и позже встречался с десятками своих старших товарищей, которые были для меня и наставниками, и учителями, многие из них прошли школу Красмаша и были для меня хорошим примером, с большим жизненным опытом, примером, которому хотелось и подражать, опыт, который хотелось перенимать и которому хотелось учиться.

С 1953 года Красмаш возглавлял Петр Александрович Сысоев, которого я знал уже достаточно хорошо. Петр Александрович директорствовал с 1953 по 1966 год, и это при нем проходила стержневая реконструкция и переход завода от производства старой продукции на новый профиль. Под его руководством проходило формирование завода ракетного машиностроения, реконструкция, модернизация, обновление фондов, переподготовка коллектива. Солидный руководитель солидного предприятия, спокойный, рассудительный, не спешил принимать решения, но после того как принимал, был тверд и отстаивал его выполнение. С улыбкой, добродушный, с открытым русским лицом, мог выслушать, но в то же время и поправить, если было необходимо.

Постоянный член бюро городского комитета партии, член крайкома, скромный (не «якал»), всегда проводил работу через коллектив и нередко говорил: «Надо посоветоваться с народом, с людьми, с коллективом». Проводил четко итоговые совещания, где определялись пути реализации решений на месяц, на более короткий срок. Сплотил вокруг себя команду хороших организаторов производства. Это был штабной костяк завода, который вел за собой многотысячную армию инженеров и техников, прекрасных специалистов, квалифицированный рабочий класс.

Петр Александрович много занимался бытом, расширением строительства жилья и соцкультбыта, организацией питания заводчан. Очень много занимался озеленением территории, цветами, культурой производства. У него была такая черта, я бы сказал даже хобби: озеленению он всегда уделял большое внимание, а цветочные теплицы Красмаша выгодно отличались от теплиц городского треста зеленого хозяйства. И в этом немалая заслуга была таких энтузиастов озеленения, как Георгий Иванович Кинозеров и Михаил Михайлович Бычков — ветеранов завода, которые руководили теплицами — организацией далеко не машиностроительного дела.

Озеленение было большой заботой руководства города, многие годы ежегодно прирастали новые массивы и посадки, а душой озеленения на Красмаше был, конечно, он — Сысоев. Неоднократно он избирался депутатом Верховного Совета, делегатом съездов партии, умел сосредоточить, сконцентрировать усилия на главном, корневом, но не упускал из виду и мелкие детали.

Помню, на заводе со времен 30-х годов работала газогенераторная станция и давала газ. И постоянно сливали фенольный отстой в озеро, которое тоже стало огромным, в несколько гектаров, разлилось на задах между железной дорогой и заводом. Было это озеро одно из «достопримечательностей» правобережья Красноярска. По поводу этого «рукотворного» водоема нередко раздавалась критика в адрес заводского руководства, но положение не менялось, станция работала, озеро расширялось. И вот главный врач городской санэпидстанции Таисия Матвеевна Тарощина как-то оштрафовала директора Красмаша на 100 рублей, слов нет — сумма небольшая, но самолюбие уважающего себя директора было задето. Я вспоминаю, как Петр Александрович очень серьезно на это отреагировал: самому директору Красмаша сделано порицание, он оштрафован, да как же это может быть?! Директора Красмаша, понимаешь, взяли за руку и призвали к ответу! Мне кажется, так думал директор. И вот итог: на все мероприятия по закрытию газогенераторной станции директор дал три дня! Не сомневаюсь, что подчиненным было неловко: директора, как мелкого нарушителя, призвали к порядку. Станция была немедленно закрыта, — больше к этому вопросу не было возврата.

Сысоев был, без преувеличения, старшина директорского корпуса Красноярска. Талант-

ливый руководитель, организатор, он воспитал десятки крупных специалистов руководителей предприятий страны и края.

После Сысоева директором завода был назначен Борис Николаевич Гуров, который проработал относительно недолгое время. На заводе положение было сложное, происходило большое обновление, решались вопросы освоения новой техники. Дела шли не особенно хорошо, были нарекания, министерство высказывало недовольство, да, надо сказать, и у руководства края и города к нему были замечания. Борис Николаевич, впрочем, не особенно контактировал с коллективом.

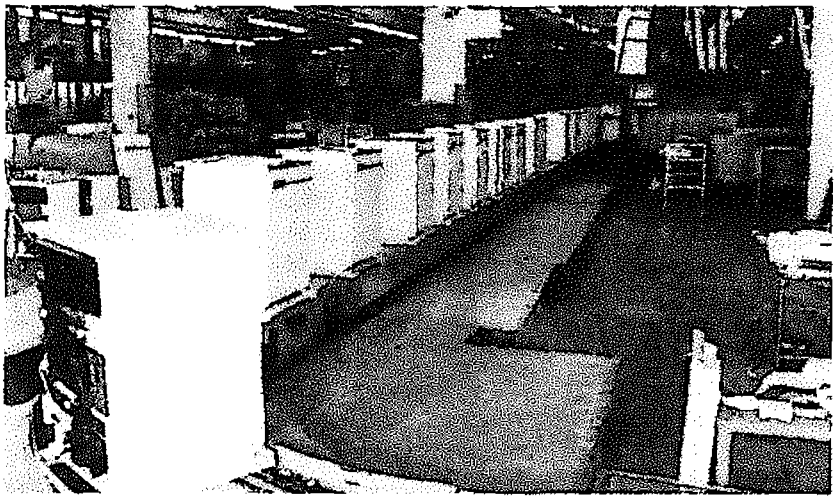
В 1969 году его сменил Владилен Петрович Котельников. Его направили на Красмаш, как уже опытного машиностроителя-оборонщика. В Златоусте он работал на одном из аналогичных заводов главным инженером и имел производственные отношения с Красмашем, нередко бывал в Красноярске. В командировках он видел и, может быть, сделал для себя открытие, что это высокоорганизованное предприятие, что здесь солидные кадры, хорошее оснащение техникой. Он работал тесно с Николаем Николаевичем Филимоновым, главным инженером завода, и ему, и инженерным кадрам давал хорошие оценки, был о нем высокого мнения. Руководством завода впервые был разработан план социально-экономического развития, внедрялась система мероприятий по повышению качества продукции, система непрерывного календарного планирования производства, обеспечивающие создание необходимых заделов и многое, многое другое. Под его руководством вышла и новая модель холодильника «Бирюса-5», которая открывала возможность выпуска нового семейства подобных холодильников. У директора чувствовалось разумное продолжение добрых традиций Красмаша и, несомненно, им был дан импульс для дальнейшего усиления технической мощи предприятия. Комплекс подобных мер позволил заводу в ближайшее время перейти на производство новой продукции.

Котельников смотрелся, я бы сказал, по-новому, по-свежему. Чувствовалось, что это человек, оторванный от определенной косности, может быть, формализма. Он смело шел на риск, был открыт к людям, его глаза светились доверием к ним, любовью. Владилен Петрович не ставил из себя недосягаемого руководителя, был прост, доступен, мог прийти к руководителям города, края и откровенно рассказать о своих проблемах, сложностях. И при этом он высказывал и делал это так просто, душевно, что ему всегда хотелось помочь. Он был чист сердцем, и помыслы у него были чистыми: как бы сделать заводу лучше, сделать так, чтобы у людей светились дома теплом, счастьем, добрым настроем.

Мог быть и строгим, следить за исполнением своих решений и спрашивать с людей. Как-то долгое время не решался вопрос об отводе земельного участка под больничный комплекс, были какие-то сложности. Я в это время работал председателем исполкома городского совета. Ну разве же можно отказывать, когда директор завода настойчиво ставит вопрос как привязать кардиологический центр, больничный комплекс для того, чтобы красмашевцев лучше лечили, заботились об их здоровье. Поехали с Котельниковым на место, и, хотя положение было сложное, задевало интересы шоферов-любителей (задевало часть гаражей), я пошел навстречу, и мы приняли решение: отвели земельный участок. То же самое было и по поводу земельных участков под жилищное строительство.

К сожалению, Владилен Петрович вскоре тяжело заболел, мы знали, что его точит недуг, сокращает дни, отведенные ему для жизни. Обязанности директора исполнял главный инженер завода Виктор Кириллович Гупалов. Котельникова не стало. Мне было поручено возглавить краевую комиссию по организации похорон. И завод, и горожане вышли проводить его в последний путь. На сотни метров растянулась похоронная процессия, многие люди с глубокой печалью провожали его в последний путь. Приехал на похороны и Виктор Петрович Макеев — генеральный конструктор. Он также беспокоился, как его продукция будет осваиваться дальше. Уж слишком невосполнима была утрата.

В начале 60-х годов все острее и острее вставал вопрос о расширении производства товаров народного потребления. Для Красмаша речь шла о производстве солидных изделий, которые бы соответствовали и профилю крупного машиностроительного завода, и возросшему интеллектуальному потенциалу рабочих и инженеров завода. Красмаш должен был выпускать достойные изделия, что потом и произошло. Руководство завода в начале 60-х годов обратилось в Совет Народного Хозяйства, в правительство страны с предложением начать производство холодильных агрегатов, предполагалось еще организовать выпуск электрической бытовой плиты, сосредоточили усилия на производстве холодильных агрегатов, и вот в августе 1963 года заводу было поручено организовать производство электробытовых холодильников в количестве 300 тысяч штук в год. Частично на территории засыпанного фенольного озера и стали строить корпуса завода холодильников, строил коллектив генерала Петра Тихоновича Штефана Сибхимстрой, 6-е управление, где начальником был Иннокентий Григорьевич Татаринцев, затем Герман Яковлевич Шапочкин. Через год завод уже выпускал холодильные агре-



На конвейере

гаты. Хотя, правда, задание в 40 тысяч холодильников на 1964 год было не выполнено, но завод освоил и уже знал, как увеличивать производство.

Это была победа заводчан. Холодильники, которых в стране был большой дефицит, стали выпускаться в Красноярске на нашем заводе, да еще в таком большом количестве. Это была действительно трудовая победа, которую сейчас даже трудно соответствующе оценить. Да еще с нашим красноярским названием «Бирюса»! Так начиналась вторая жизнь Красмаша. В начале 1965 года производство было остановлено, так как торговля не стала принимать холодильники из-за большого количества рекламаций. У торговли был какой-то скепсис, ну, естественно, какой бы он ни был, но покупатели предъявляли рекламации, высказывали недовольство, и торговля по-другому поступать и не могла. Даже кое у кого зародился червячок сомнения, тревоги: «Что произошло? Поторопились, что ли?»

Это было естественно. Были и конструкторские недоработки, и технология была не отработана, не было опыта. Одним словом, шли на обходные варианты технологии, чтобы быстрее дать холодильник, а все это, конечно, не могло не сказаться на качестве.

Но спустя 20 дней смогли отработать и так отладить, что план марта и апреля 1965 года был выполнен и далее стал выполняться регулярно. Первое время холодильник выпускался с большим трудом, комплектация шла из десятков цехов Красмаша и даже из-за пределов завода. Такая разбросанность не могла не сказываться на качестве, но как бы там ни говорили, — все это была, так сказать, разведка боем, все шло к апробированию и накапливанию опыта и пошло на пользу красмашевцам. С этих первых рекламаций качество продукции стало главным показателем работы завода. На производстве образовалось два направления — это и производство холодильника в сборе, и производство холодильного агрегата. К концу года завод выходил на производство почти 150 тысяч холодильников, в сутки выпускалась 1000 штук — это было невиданное достижение. И такие успехи завода позволили правительству принять решение изменить задание уже не на 300 тысяч штук, как это планировалось ранее, а при завершении второй очереди холодильного производства в несколько раз больше. Об этом вначале даже и не мечталось.

В те годы сказывался большой организаторский талант директора завода Петра Александровича Сысоева, Николая Николаевича Филимонова, Виктора Кирилловича Гупалова, и я бы хотел сказать особо о Якове Исааковиче Кошарском — ветеране Красмаша, и Виталии Степановиче Слинкине, Павле Ивановиче Черкашине, которые действительно были большими энтузиастами, патриотами этого производства, с их именами связано производство холодильников. Они вошли в историю Красмаша и завода холодильников заслуженно, ибо они возглавили производство. В 1967 году завод перекрыл задания по освоению мощностей второй очереди, выпустив вместо планируемых 350 тысяч уже 370 тысяч, но было важно и то, что «Бирюса» пошла на экспорт в Болгарию и ГДР, а позже и в капиталистические страны. В пору ограниченных зарубежных контактов Слинкин подробно изучил конъюнктуру производства рынка холодильников и современные тенденции развития производства в Англии, Бельгии, Голландии и в других странах.

Хорошо зная производство за рубежом, Виталий Степанович рассказывал, что с большим желанием англичане, бельгийцы, голландцы покупают наши холодильники «Бирюса». Здесь он назывался «Сноу кэп» — «Снежная шапка» и стоил 49 фунтов стерлингов.

Холодильников было продано в Англии несколько десятков тысяч, изучение рынка повлекло и к созданию первых в СССР быто-

Очередной этап!

вых морозилок. Слинкин еще рассказывал о том, что в Англии, с учетом оптовой торговли мясом, англичане иногда берут крупную тушку, складывают в морозилку, а потом расходуют. Для нас слово «морозилка» было новым. Слинкин считал, что это одно из важнейших направлений.

Для того чтобы выработать свою модель, было создано солидное бюро, где, — как сейчас помню, — можно было посмотреть все новые холодильники, выпускаемые в мире и, конечно, мы находили свою модель, где отражались последние достижения. В этом конструкторском бюро разрабатывалось семейство холодильников с перспективой на несколько лет вперед. Увеличение спроса повлекло и создание первых в СССР бытовых морозилок, освоены и получили широкий спрос переносные термосумки, удобные, как походный холодильничек.

В 1970 году холодильнику «Бирюса», первому из советских выпускаемых холодильников присвоен Государственный знак качества. Красмашевцы пошли дальше: стали сами изготавливать мотор-компрессора, которые раньше получали из Омска. Это лимитировало производство холодильников, иногда создавался дефицит, были трудности в получении мотор-компрессоров и зависимость нашего завода от омичей. С целью установки более современных мотор-компрессоров был закуплен в Японии, а затем успешно собран, освоен, пущен завод на 1 миллион мотор-компрессоров, причем покупатель у японцев оказался высококомпетентный. По итогам сделки Красмаш предъявил японцам рекламации на недоброкачественную поставку на сумму около 300 тысяч долларов, такого японцы не ожидали, с подобным встречались, наверно, впервые. Какое-то время японцы недоумевали, что это за такой машиностроительный завод, который так квалифицированно разобрался и даже их поправил.

В начале 1971 года был сделан первый образец мотор-компрессора, а в июне был уже начат выпуск компрессоров в серийном производстве. Из года в год, изо дня в день шла кропотливая работа по отлаживанию производства, по повышению квалификации, по повышению качества, по отладке работы конвейера. Находили решения по производству упаковки с целлюлозно-бумажного комбината — это было что-то необычное, потому что требовалась древесина, да и вид упакованного холодильника был не особо пригляден, а здесь тарный картон пользовался широким спросом, и холодильник «Бирюса» стал в такой упаковке поступать в торговлю.

В 1976 году красмашевцы уже выпустили свыше 700 тысяч штук холодильников. На заводе каждую минуту с конвейера сходило 3 холодильника и 4 мотор-компрессора. Это было самое крупное в стране, да и в Европе производство холодильников — на 720 — 780 тысяч штук в год. Кстати, в это время ЗИЛ выпускал известные знаменитые холодильники ЗИЛ порядка 120 — 140 тысяч. Холодильник «Бирюса» был гордостью красноярцев. Широко использовались и отходы в производстве всевозможных пластмассовых хлебниц, крышек, вешалок, плечиков и много другой необходимой потребительской продукции.

Созданное конструкторское бюро завода работало над гаммой всевозможных холодильников семейства «Бирюса» — от первой «Бирюсы-1» до «Бирюсы-22» со всевозможными потребительскими свойствами. Шла заготовка на многие годы вперед, конструкторы думали о производстве холодильного ларя, который начинал требоваться в Европе, и многих других всевозможных моделей.

Генеральный директор Красмаша Виктор Кириллович Гупалов

Вспоминаю теплый майский день 1982 года, когда в торжественной обстановке собрались заводчане вместе с городскими и краевыми руководителями на заводской митинг, посвященный выходу с главного конвейера 10-миллионного холодильника «Бирюса». Это была, конечно, большая победа коллектива завода. Газета «Красноярский рабочий» писала: «Родиться 10-миллионному холодильнику понадобилась всего 21 секунда, а вот подготовить производство такого количества холодильников потребовалось времени значительно больше!»

«Бирюса» прочно занимала лидирующее место на рынке в нашей стране и успешно держится, как экспортное изделие. В 80-е годы около 40 стран мира покупали наш холодильник, среди них Англия, Австрия, Австралия, ФРГ, Швеция, Бельгия, Голландия, Дания. Каждый третий холодильник, который изготавливался красмашевцами, шел на экспорт, на долю «Бирюсы» в общем объеме экспортных поставок холодильников из Советского Союза приходилось 60%. Завод холодильников стал крупнейшим современным предприятием страны. Шло очень внимательное изучение спроса, в нескольких странах были открыты наши магазины, где реализовывался холодильник, во многих уголках страны было организовано сервисное обслуживание. Все это делалось с учетом современных требований к обслуживанию покупателей холодильника.

Когда несколько лет спустя в Минске стали осваивать крупное производство холодильников, красмашевцы оказывали большую помощь минчанам, делились своим богатейшим опытом. В создание холодильного производства, затем и самостоятельного завода энтузиасты вложили и сердце, и душу, и свои знания, и опыт, ибо такое производство надо было создавать увлеченным людям, и к таким я отношу Слинкина, Кашарского и, конечно, руководителей Красмаша — Сысоева, Гупалова и других. Виталий Слинкин — человек неугомонной энергии, большого творческого огонька, инженер, который умеет сравнивать, умеет видеть доброе и брать это на наш холодильник, специалист, который изучает и старается предвидеть тенденции развития холодильного производства в мире.

Но я бы хотел сказать, что в последние годы возникли сложности. На каком-то этапе допустили определенное забвение анализа, перспективы. Очень долго все замыкалось на использовании фреона, как хладоэлемента, а мировая практика от фреона уходила, и уходила довольно-таки решительно. Спрос на наш холодильник стал ухудшаться и стали наступать не совсем светлые дни для нашего производства холодильников. Видимо, была допущена и стратегическая ошибка. Увлекшись большим спросом, большим производством, была упущена перспектива. Руководители производства и сам Виталий Слинкин приняли серьезные меры. Все мы нынче надеемся, что завод холодильников снова станет на твердую почву и войдет в число лучших производителей холодильников в стране, да и в мировом производстве.

* * *

Вот уже почти 30 лет руководит заводом Виктор Кириллович Гупалов, я имею в виду работу и главного инженера, и директора — уже более четверти века. Молодым специалистом придя на завод, отличался с первых дней и своей настойчивостью, и стремлением постигнуть управление тем участком, который ему доверен. В то же время, будучи требовательным к себе, умел спросить, организовать выполнение своих решений.

С первых дней работы на заводе его помнят как делового, принципиального мастера, а затем и начальника механосборочного цеха. Спустя несколько лет руководство завода, партийный комитет выдвинули его на руководство первого отраслевого производства, отстававшего к тому времени, а затем энергичного руководителя назначают главным инженером завода. Я не помню случая, чтобы главный инженер, да и директор завода Виктор Кириллович Гупалов не поддержал бы новое, свежее, прогрессивное, что могло бы со-

действовать улучшению производительности труда, повышению качества, внедрению достижений научно-технического прогресса, новинок производства. Не спешит соглашаться, взвесит, продумает и тогда-то с удвоенной силой сделает все, чтобы внедрить это новое, прогрессивное. Его отличает любовь к технике, научно-техническому прогрессу, понимание того, что только на базе научно-технического прогресса можно двигать производство вперед. Стремление внедрить новое у себя, обязательно попробовать, добиться результата.

А сколько технических проблем возникало у главного инженера, да и у директора завода, сколько неизведанного, нового таили в себе пути технологического совершенствования, отработки вопросов ракетостроения! В решении многих вопросов шли в неизведанное и пока неотработанное, но производство требовало свое, да и не только оно. Оборона страны была превыше всего.

Виктор Кириллович Гупалов был назначен директором завода с января 1976 года. Когда решался вопрос о директорстве, министр Сергей Александрович Афанасьев говорил об особенностях характера, об его иногда излишнем упрямстве, строптивости: «Знаешь, характер у Кирилловича — не сахар». Вспоминаю, когда мы возвращались с Кузнецовского плато, Сергей Александрович обратился ко мне: «Слушай, кого же будем назначать директором завода?» Он знал, что предложение о Гупалове было не единодушным на заводе, но Виктор Кириллович уже исполнял обязанности директора во время болезни Котельникова, энергично вел дело. Я знал, что он согласовал этот кадровый вопрос с Центральным Комитетом партии и с П. С. Федирко — первым секретарем крайкома. И вот, возвращаясь с Кузнецовского плато на завод, говорили с Сергеем Александровичем о хороших чертах исполняющего обязанности: дело знает, энергичен, любит завод, опыта хватит. «Гупалова директором, а кого же еще?» Такое мнение было и у нашего оборонного отдела крайкома. Возглавив завод, Виктор Кириллович сразу направил свою энергию на прогрессивную форму управления и организацию труда. Я бы сказал, у него был целенаправленный подход к внедрению программ целевых систем, повышающих экономическую, социальную эффективность, внедрению систем автоматизированного контроля исполнения решении, сетевому планированию, управлению качеством продукции и др.

Он уделял большое внимание организации дела, проверке исполнения и организации такого системного и направленного руководства предприятием. Скорей всего, как-то по-другому таким заводом руководить было нельзя. Именно под его личным руководством на предприятии со временем была быстро проведена реконструкция основных цехов завода (без остановки производства), внедрялись новые станки с ЧПУ, повысился организационно-технический уровень, научная организация труда. И все эти меры направлялись на совершенствование технологических подразделений, отладку уникальнейшего оборудования, способствовали быстрейшему внедрению производства изделий новой техники. Директор, говорили рабочие, живо интересуется жизнью городских районов, пытается определять и участие коллектива в жизни края. Вспоминаю, как тепло о нем отзывались городские медики, учителя.

Имея прекрасную, универсальную базу машиностроения, золотые руки своих специалистов, завод имеет возможность оказывать и медицинскую помощь многим больным тяжелым недугом — заболеваниями опорно-двигательного аппарата: сколиоза, спондилеза и других заболеваний, особенно у детей.

Кажется, еще недавно профессор Лазарь Львович Роднянский и его коллеги по краевой больнице вместе со специалистами Красмаша и, прежде всего, с Виктором Кирилловичем Гупаловым включились в эту милосердную, благороднейшую работу, — помочь исстрадавшимся людям облегчить недуг, приковавший людей к постели. В течение вот уже нескольких десятилетий совершенствуется эта работа, изыскиваются новые направления, что позволило извлечь положительные результаты. От тысяч людей имеет благодарность Красмаш. Методика оперативного лечения сколиоза у детей с применением эндокорректоров Красмаша позволяет добиться 100-процентной коррекции. Десятки международных дипломов, золотых медалей, крупных международных и российских выставок свидетельствуют о высоких оценках этой работы. Красмаш пошел дальше. На базе медсанчасти при заводе создан институт восстановительной медицины, ортопедотравматологическая клиника. За организацией всей этой работы стоит, я не боюсь сказать, «вдохновитель» — энтузиаст, инженер, человек, чья собственная боль и мучения позволили лучше понять страдания других, и не только понять, но и оказать им реальную помощь.

Виктор Кириллович является автором многих изобретений, получил и медали, и благодарности, и признание, и патенты солидных медицинских учреждений Союза и мира. Несомненно, за такие изобретения люди благодарны и с сердечной теплотой отзываются о помощи завода, его руководителя. Сам он скромен в оценках. Международное признание и отзывы людей — лучшая оценка его благородного дела.

В последней трети 80-х годов мне часто приходилось участвовать в заседаниях правительства Союза и быть свидетелем, когда руководство его проводило работу по широкому использованию и подключению мощного оборонно-промышленного потенциала страны к изготовлению нового современного оборудования для перевооружения легкой и особенно пищевой промышленности. Все оборонные министерства имели конкретные поручения на создание и производство высокопроизводительного, на базе последних достижений науки и техники ноу-хау для наших предприятий. Изготавливалось более 2 тысяч наименований машин и оборудования. Правительство регулярно заслушивало отчеты и сообщения министерств — производителей оборонной продукции, их доклады по выполнению заданий.

В основном оборудование изготавливалось хорошее, хотя нередко спор шел из-за цены. Вплотную в такую работу включился и Красмаш, которому были по плечу самые сложные машиностроительные задачи. И здесь Красмаш, его генеральный директор, специалисты с громаднейшим упорством, изобретательностью изыскивают пути расширения производства товаров народного потребления, развития производства продукции производственно-технического назначения, ну и, несомненно, такие предприятия имеют возможность использовать передовую технологию, прекрасных конструкторов, использовать новые материалы. Уже многие годы завод выпускает первоклассное оборудование для цехов малой мощности, удобное для небольших хозяйств оборудование по переработке мяса и молока: колбасные цеха, фаршемешалки, шпикорезные машины, оборудование для производства колбас и копченостей. Успехом пользуется оборудование для производства хлебобулочных изделий, пекарен. Ведутся работы по производству установок для выращивания поли- и монокристаллов кремния и так далее.

На протяжении нескольких десятилетий мы конструктивно работали с В. К. Гупаловым. У меня была возможность наблюдать его рост от молодого инженера до генерального директора крупнейшего завода страны, профессора Сибирской аэрокосмической академии, лауреата, заслуженного машиностроителя. Нелегко подобрать слова, когда оцениваешь десятилетия напряженной работы директора оборонного предприятия, когда каждая минута работы и каждая клетка организма используется для творческого решения главной задачи — укрепления оборонного щита, совершенствования стратегического ракетного оружия.

Это не только гонка, это высочайшая ответственность за совершенствование оружия обороны и защиты от потенциального противника. Постоянное осознание того, что лично в твоих руках, руках твоего коллектива производство этого оружия, его уровень, надежность и высокий класс.

Сколько проведено бесед, встреч, вплоть до просмотра специальных кинофильмов в кабинетах чиновников. Убедить, доказать, добиться, удержать предприятие, не потерять кадры, не потерять специалистов — золотой фонд завода. Этой задаче и подчинена колоссальная энергия руководителя предприятия. Завод с уникальным оборудованием, специалистами, высококвалифицированными рабочими должен с максимальной отдачей трудиться для страны. Не отступать от своих замыслов, планов, пробить подобное невнимание, равнодушие в кабинетах. К сожалению, на это уходит большая часть сил, энергии и времени, но это необходимо, и Виктор Кириллович Гупалов достойно ведет эту работу в нынешнее сложное для предприятия время.

* * *

Министра общего машиностроения Сергея Александровича Афанасьева знают в крае уже несколько десятилетий. Многие из ветеранов помнили его как руководителя Всероссийского Совета Народного Хозяйства в 50—60-х годах. Знали его как крупнейшего организатора экономики страны и в годы его руководства МОМ — Министерством общего машиностроения. Он был одним из тех, кто часто бывал в крае, в нашем городе, заинтересованно принимал меры к развитию своих предприятий, я бы сказал, не только к развитию предприятий, но и к неуклонному выполнению программы укрепления обороноспособности Советского Союза.

Сергей Александрович часто бывал на заводах, шел на производство, бывал в цехах, причем бывал в таких местах, куда, может быть, руководство и не приглашало. Он был Хозяин, — знал куда идти, знал, где слабые места, знал, мгновенно замечал, что сделано напоказ, а что пытаются скрыть от его глаз. Он прекрасно понимал производство и знал, как наводить порядок, как бороться за культуру предприятия. Бывал на Красмаше, в НПО прикладной механики, на других предприятиях. И люди отмечали его глубину познаний, я бы сказал мудрость, неспешность в принятии решений, умение послушать, поглядеть, составить впечатление, найти доброе и недоброе и там, где надо вмешаться, определить правильные меры. Высокую требовательность он сочетал с вниманием к простым людям, к специалистам, к заводским коллективам. Читатель заметит, что так я говорю о многих своих товарищах. Но так было, так и есть! Все в главном — похожи!

Министр С. А. Афанасьев, В. К. Гупалов, В. Т. Темеров

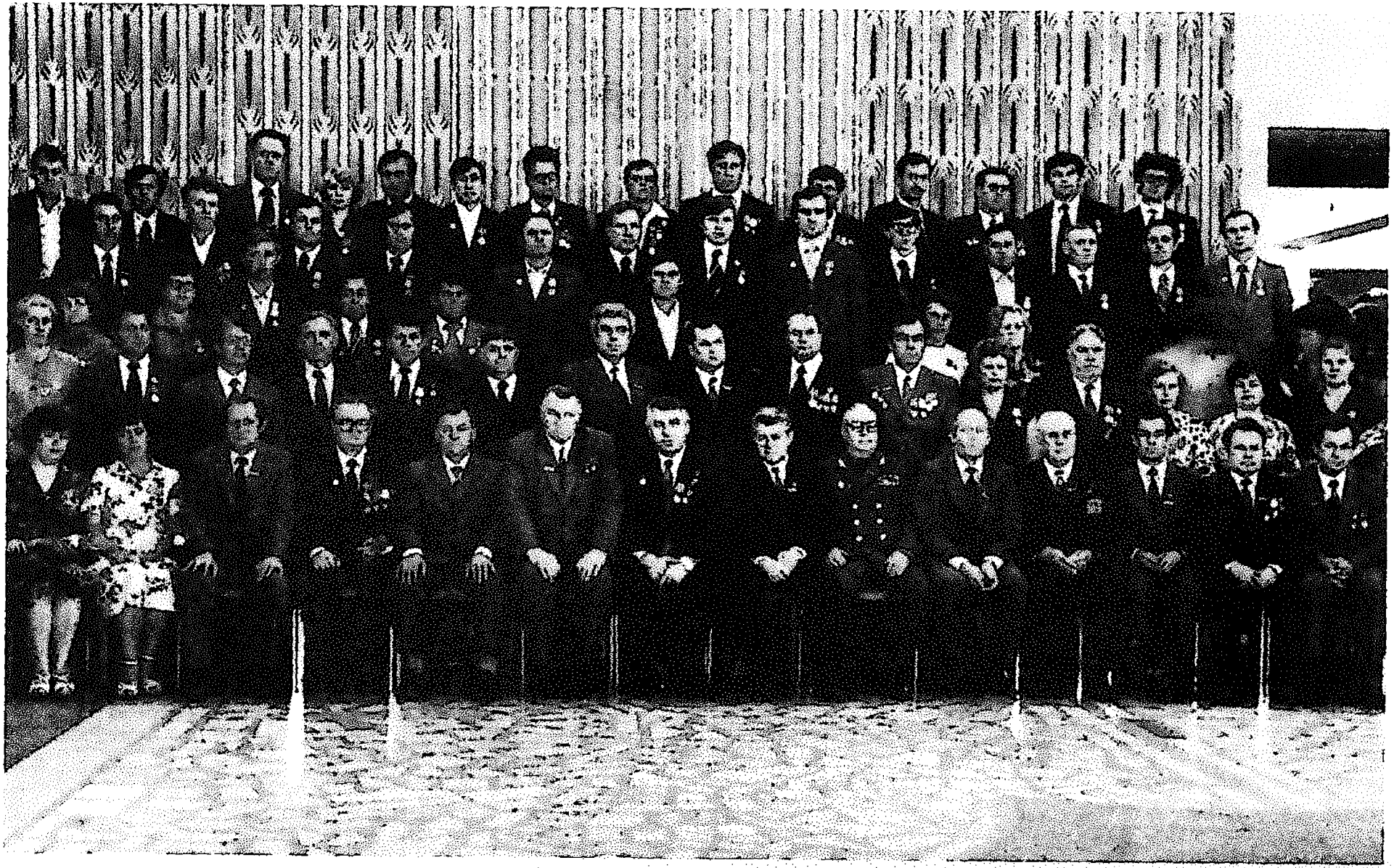
Обход цехов, разбор вопросов, деловитость в проведении совещаний, четкий спрос, неспешный пункт за пунктом. Горе было тому, кто начинал ему «плести», не зная предмета, докладывая, выкручиваться. Я был свидетелем, как ему один из технологов Сибтяжмаша пытался рассказывать, углубляясь в технологию. Я знал — это уже обреченный доклад: министр прекрасно знал технологию машиностроения и понимал, что перед ним стоит большой специалист, но с задатками мелкого, так сказать, лгунишки, который пытался что-то ему наплести. Несомненно, потом и оценка была по делам и по докладу. Будучи большим государственным деятелем, Сергей Александрович решал вопросы не только своего предприятия, своего ведомства.

Известно, наши предприятия делали бортовую аппаратуру для Красмаша. И нередко мне приходилось участвовать в разборах вопросов на телевизорном, радиотехническом заводах. И когда Афанасьев видел, что у смежников есть проблемы, министерства не в полной мере включились в выполнение этих заказов, которые работали на одно изделие, то он немедленно, за счет своего министерства, распоряжался действенно помочь в организации дела.

Речь шла об оснащении цеха печатных плат, автоматических линий. И буквально здесь же на заводе, узнав проблемы директоров, вникнув в то, как они ведут эту работу, распорядился оказать помощь. Сказал, что он поможет оборудованием, наладкой и пуском, освоением технических линий. Больше того, своему начальнику главного управления поручил передать линию, помочь в наладке, и, пока не пустят эту линию, не окажут помощь заводу, это будет считаться невыполненным. Сергей Александрович доволен был, например, докладом директора завода Вячеслава Витальевича Шильдина, видел, что и ведомство промышленности средств связи намерено тесно сотрудничать.

Ему импонировал такой подход. В один из приездов в Красноярск мы возвращались с телевизорного завода, министр избрал машину «рафик», в нем сидело несколько человек. Он рассказывал про присутствующего здесь директора завода, которого он очень любил, потому что тот прошел и «огонь, и воду, и медные трубы». Дальше Афанасьев похвастался, что он его пять раз снимал с работы, но ведь тот выдержал, закалился и стал для министра самым ценным директором. Я бросил реплику: «Сергей Александрович, так он ведь и переживал?» «Ну ты понимаешь, — ответил министр, — зато он стал таким для меня золотым директором». Мы ехали на завод «Красмаш» и, проезжая у крайкома партии, Сергей Александрович предложил зайти в крайком. Мы зашли, и он рассказал о производстве этого изделия, мы договорились, в чем краевой комитет партии должен помочь, за чем проследить, в какие сроки. Состоялся заинтересованный обмен соображениями о совместных мерах министерства и крайкома по выполнению важнейшего заказа.

В это время раздался звонок, и секретарь сказала, что это звонят по ВЧ из приемной Дмитрия Федоровича Устинова, министра обороны. Для меня это был необычный звонок, потому что обычно Устинов выходил всегда на связь с Федирко, Павел Стефанович был в отпуске, здесь я оказался за старшего, и Дмитрий Федорович попросил краевой комитет партии подключиться к очень серьезному делу, которое усиливает нашу оборону. Речь шла об изделии на уровне американском, а может быть даже и выше, которое очень необходимо для обороны страны. «У меня очень серьезная просьба к крайкому, — сказал он, —



В память о торжественном вечере, посвященном 50-летию завода Красмаш

включиться в эту работу, помочь заводу и проследить, как там они будут работать. Ты свяжись с Афанасьевым и вместе договоритесь о мерах». Я ответил, что мы с Сергеем Александровичем сейчас как раз и рассматриваем в краевом комитете и сроки исполнения, и график, и наше участие.

— Афанасьев в крайкоме?

— Да, мы вместе с ним.

— Здорово, что вы синхронно работаете! Дай трубочку Афанасьеву.

Сергей Александрович рассказал о наших совместных намерениях и, когда положил трубку, был взволнован.

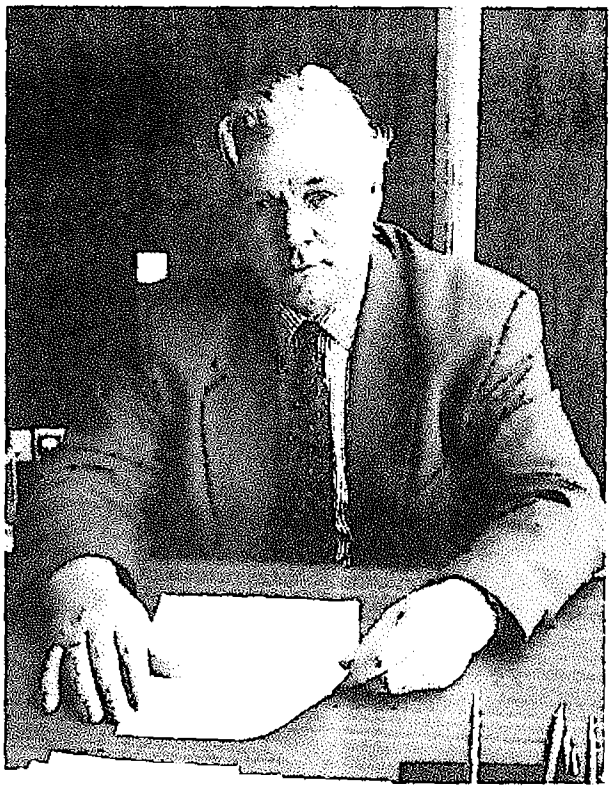
— Ты знаешь, ну как здорово. Мы ведь так всегда действительно вместе работаем! Дмитрий Федорович убедился, что у нас одни задачи, одни цели, так что давай будем продолжать дружно работу, передавай привет Федирко.

Этот разговор касался того, как лучше выполнить заказ. Должен сказать, что у Афанасьева всегда было уважительное отношение к краевому комитету партии. И с нашей стороны оно было таким по отношению к министерству и уважаемому министру, выдающемуся машиностроителю нашей страны.

Я уж не говорю о том, что иногда дело доходило до комичного: Сергей Александрович, будучи и старшим по возрасту, тем не менее всегда пытался пропустить своего коллегу вперед и уступить ему место. Он, дважды награжденный Звездой Героя, имеющий опыт и выдающиеся заслуги, никогда не проявлял амбиции. Он был прост, доступен. В больших и малых делах он был аккуратен.

Не один раз мы с ним вместе обедали и ужинали после какого-то разбора, после обхода цехов. Сергей Александрович всегда подходил к буфетной стойке, выкладывал свои денежки, хотя был гостем, и не хотел быть в долгу у заводчан, рассчитывался за обед, благодарил. Ну, следом и мы делали то же самое. Его нескрываемо уважали заводчане, прислушивались к его советам и к его требованиям, неукоснительно их выполняли, потому что он был несомненным авторитетом и в технике, и в умении руководить. Да просто видели — человек обладал и характером и волей и был настоящим министром. Я вспоминаю, когда Сергею Александровичу исполнилось 60 лет, а наше красноярское время, естественно, разнилось с московским, мы позвонили ему, но оказалось, что в это время он только еще поднялся. Сердечно поздравили его в этот именинный для него день, он посмеялся и сказал: «Ну, красноярцы, я чувствовал, что сибиряки с их энергией, с их жаром, наверное, первыми и поздравят».

Человек он требовательный, справедливый. Я вспоминаю, как приехал по случаю завершения пятилетки и выполнения задания и награждения завода орденом вручить награды на Красмаш. В такой торжественный день сказал немного добрых слов, а потом подверг серьезному анализу и высказал много замечаний, невзирая на лица, начиная с директора и кончая, наверно, мастером и рабочим завода. Крепко поругал, хотя сидели в зале передовики, настроенные на вручение наград, но разговор этот был деловой.



Директор красноярского завода холодильников Виталий Степанович Слинкин

Надо сказать, что в ту пору вообще бахвальству не было места, поэтому умели видеть нерешенные задачи, умели мобилизовываться и, когда надо было, умели и порадоваться, и отметить успехи. Но когда дошло дело до персонального вручения орденов и медалей, министр находил каждому передовику, которому вручал награду, душевные слова. Он тепло поздравлял каждого, желал и здоровья и семейного счастья. А вручать награды надо было более чем 200 человек.

Конечно, работа у Афанасьева и в целом у Министерства общего машиностроения была напряженная. Космические полеты, полеты спутников, управляемые экипажи. Он всегда говорил, что боится белого аппарата, правительственной связи, особенно когда идут полеты в космосе, иногда, говорил, позванивал и Дмитрий Федорович. Мы чувствовали, что есть напряженные отношения между Афанасьевым и Устиновым, который высказывал, видимо, и серьезные замечания Афанасьеву.

Через какое-то время Афанасьев был переведен министром тяжелого машиностроения. Придя в министерство, энергично взялся за дело, провел расширенный актив специалистов министерства по научно-техническому прогрессу, о котором и сейчас минтяжмашевцы помнят. С первых шагов обратил внимание на вопросы научно-технического прогресса, использования новых технологий, нового оборудования в подъеме отрасли тяжелого машиностроения.

Сразу же начал повышать требовательность в министерстве и ответственность за дела. Но в то же время перевод в тяжмаш не казался повышением министра. Периодически Сергей Александрович спрашивал: «Ну, как ты считаешь, каково твое мнение, понизили меня или как?» Я непременно отвечал, что это совершенно правильное решение, что такую значимую отрасль, как тяжелое машиностроение, надо поднимать, внедрять те технологии, которые в его министерстве уже освоили. В новом министерстве есть отставание и его надо устранять. Но как бы мы ни успокаивали министра, душой чувствовали, что зря он был переведен из МОМа, было жаль, что может ослабнуть ранее возглавляемое им министерство. Когда мы уже ехали на завод Сибтяжмаш, он снова возвращался к наболевшему, а я, чтобы вновь поддержать его, отвечал, что все было сделано правильно и что с его назначением Министерство тяжелого машиностроения будет работать лучше. Все-таки это назначение Сергея Александровича как-то задевало.

Я вспоминаю, Афанасьев проводил у себя в министерстве большое совещание по экскаваторному заводу, речь шла о том, как сдавать завод, вводить мощности. А потом очень серьезно министр, по нашей же настойчивой просьбе, повел разговор о том, что надо по лицензии закупать в Германской Демократической Республике оборудование для производства моечного кухонного комбайна и что надо по-солидному осваивать производство товаров народного потребления на экскаваторном заводе. Когда закончилось совещание, он попросил меня остаться и опять-таки задавал тот же вопрос: «Все-таки это не понижение?» В душе у него крутило, он переживал, но я думаю, что со временем все уладилось. Для Министерства тяжелого машиностроения это было бесспорное улучшение руководства в отрасли.

Тогда на прощание Сергей Александрович подарил мне копию стартового ключа от одной из пусковых установок ракет со спутником. Этот сувенир и сейчас хранится, как дорогая память.

Работая в Москве какое-то время, я отошел от работ МОМа, но однажды, уже на закате перестроечных дней, наверно, на одной из последних демонстраций на Красной площади мы оказались рядом с Сергеем Александровичем Афанасьевым. Глядя на проходящую колонну демонстрантов, он с раздражением и с болью в сердце говорил, что министерство доработало до того, уму непостижимо, что уже стали сокращать деньги на производство новой техники, на НИОКРские, конструкторские опытные работы. Он имел в виду новых руководителей МОМа. «Я же министру не раз говорил, — продолжил он, — иди, доказывай Генеральному секретарю, но он боится идти и боится доказывать». Сказано это было так громко, в сердцах, в адрес министерства, что я стал его успокаивать. Он волновался, понимая весь вред сокращения ассигнований на создание новой военной техники. Как истый патриот страны, человек, который отдает жизнь и отдал много здоровья укреплению обороны нашей страны, как сын своего народа, я бы сказал, патриарх наших министров, с переживаниями говорил, что даже по научно-исследовательским работам и НИОКРу, конструкторским, опытно-конструкторским отстаем всерьез и надолго от зарубежной техники, прежде всего от американской. И я понимал и разделял его боль.

Вообще об инженерах Красмаша можно много рассказывать, это особая служба. На заводе превалировал умный, инженерный подход к делам. Это было характерным для такого солидного машиностроительного завода страны. Через отделы и цеха пронизывалось красной нитью уважительное отношение к мастерам своего дела, инженерным службам. И это уважение формировалось годами с рождением завода. И не просто насаждалось, а воспитывалось, потому что задача машиностроительного предприятия основывалась на квалифицированном, рассчитанном подходе. Здесь не было расчета на интуицию, здесь уважительно сочетался инженерный подход с опытом специалистов.

На моей памяти прекрасные инженеры Николай Николаевич Филимонов, Анатолий Иванович Митрофанов, Анатолий Михайлович Ваганов — один из последних главных инженеров завода, Валерий Александрович Моисеев, Владимир Петрович Котельников и нынешний директор — ветеран завода Виктор Кириллович Гупалов и многие начальники цехов, отделов завода.

Красмашевцы жили всегда дружной семьей, гордились заводом, берегли его марку, ежегодно строилось более 30 тысяч квадратных метров жилья, общежития, детсады, на ура построили стадион на 17 тысяч мест, на котором десятки лет команда по хоккею с мячом «Енисей» утверждает свой чемпионский титул. Построены больница, плавательный бассейн, пионерлагерь.

Всегда вспоминаю Красмаш как благодатную школу общения с рабочими, мастерами, руководителями цехов, главными специалистами, руководителями завода. Когда бы ни возникал технический вопрос на том или ином предприятии края, можно было всегда получить высококвалифицированную консультацию и помощь делом.

Помню, надо было выполнить надпись на пьедестале памятника Владимиру Ильичу Ленину. В горсовете, горкоме думали, какую надпись сделать. Предлагались разные: «Ленину от красноярцев», просто «Ленин» и другие. Мне вспомнилось, что на памятнике Горькому у Белорусского вокзала было написано просто. Остановились на аналогичной надписи: «Ленину — красноярцы». Академик Борис Вениаминович Пинчук, работавший в Красноярске на завершении памятника с Юрием Павловичем Ишхановым, советовался: а кто и где мог бы сделать с учетом всех требований автора такую надпись?

Я обратился к красмашевцам, а затем встретился с главным специалистом по покрытиям. Это оказался приятный человек, знающий дело инженер. За несколько дней было сделано 6 образцов, 6 кубиков из облегченного металла с разными оттенками покрытий, выбрали, посоветовались с Борисом Вениаминовичем Пинчуком, и через несколько дней надпись была сделана. Пинчук был очень доволен и приятно удивлен мастерству заводчан.

* * *

Рассказывая о красноярских предприятиях, их специалистах, рабочих и инженерах, конструкторах и разработчиках, руководителях и служащих, работниках вспомогательных участков, словом, усилиях коллективов, объединенных общественными организациями, — хочется передать характерную атмосферу организованных коллективов, стремление выполнить государственный план, освоить производство нового изделия, построить новый дом или детсад и т. п.

Чувствовалось коллективное всеобщее устремление к достижению нового, более передового. И эта цель, эта задача охватывали участки коллектива, в немалой степени вдохновляя, подпитывая стремление людей достичь эту цель, она была уже частицей их жизни, приблизить ее и почувствовать — мы, что могли, сделали. Получай, страна, наше изделие, это наш вклад в развитие народного хозяйства! Это не громкие фразы, насыщенные победным пафосом, это обычное, присущее советским людям стремление хоть капельку, но вложить свои усилия, свою лепту в неуклонном движении вперед и вперед. У каждого рабочего был свой завод, свое предприятие и гордость за него. Движение к прогрессу, а не наоборот, назад, вспять, характеризовало атмосферу всеобщего общественного настроя коллективов. И хотя бывало всякое: и сбои, «и посадки», и хватало скептиков и нытиков, ворчунов и критиков, встречались даже и циники, — никто на показуху не бил в грудь, показывая свой патриотизм и любовь к Родине. Но глубоко в душе основные массы коллективов, наши советские люди с гордостью говорили о добрых делах, с горечью переживали срывы, сбои там, где работа шла плохо. И все-таки болели за свое, — свой участок, цех, завод. Боюсь, это тоже утеряно теперь, надо годами и десятилетиями возвращать чувство гордости, чести, достоинства.

Болели за своих представителей, свою команду (в широком смысле). И самым определенным образом рассматривали (и считали) себя частицей этого коллектива, идущего по мере сил и способностей вперед и дальше — к лучшему, совершенному. Мы так были воспитаны. Такова уж была наша людская природа и существо нашей жизни. Одним народом — и только вперед.